

В.М. НАЙДЫШ

ГЕНЕЗИС МЫШЛЕНИЯ В СВЕТЕ НЕКЛАССИЧЕСКИХ ЭПИСТЕМОЛОГИЙ*

Найдыш Вячеслав Михайлович — доктор философских наук, профессор кафедры онтологии и теории познания факультета гуманитарных и социальных наук.

Российский университет дружбы народов.

Российская Федерация, 117189 Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6;

электронная почта: v.naidysh@bk.ru

Аннотация. В классических направлениях гносеологии и психологии XIX–XX веков проблема генезиса мышления формулировалась как задача объяснения качественного перехода от наглядно-чувственного к опосредованному абстрактно-понятийному отражению. При этом в моделировании такого перехода, во-первых, мышление либо редуцировалось лишь к чувственно-образным формам (например, бихевиоризм, гештальт-психология и пр.), либо интерпретировалось как безобразное, вневещное (например, вюрцбургская школа) и, во-вторых, господствовало представление, что такой переход направляется исключительно социально-культурной детерминацией (практика, трудовая деятельность, общение и др.). На рубеже XX–XXI веков теоретико-методологический контекст данной проблемы существенно расширился за счет психологических и эпистемологических концепций, в которых фор-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований по теме: «Мифотворческая деятельность сознания и ее исторические типы (от первобытной мифологии к неомифотворчеству). Философский анализ»; проект № 18-011-00186а.

мирование познавательных способностей человека рассматривается в контексте биологической эволюции, принципа деятельности, информационных и операциональных моделей интеллекта и т.д. На этой основе сформировалось представление о том, что переход от образа к мысли состоит в активном преобразовании субъектом чувственной образности средствами операционального воздействия на образ. Подобные средства извлекаются из самой же образности и фиксируются знаками языка. При таком подходе генезис мышления предстает как становление системы взаимодействия операндов (то, на что направлена операциональная активность субъекта: чувственные образы, первичные и вторичные, их фрагменты и сочетания, абстракции, идеализации и др.) и операций над ними. Становление данной системы направляется не только социально-культурными (практика, трудовая деятельность, общение), но и природно-биологическими детерминантами. В генезисе мышления выделяются три этапа: формирование предпосылок операциональной активности в психике высших приматов; зарождение мыслительных операций как дериватов предметного действия; интериоризация мышления.

Ключевые слова: образ, восприятие, представление, деятельность, мышление, операция, операнд, миф, язык, сознание

Ссылка для цитирования: Найдыш В.М. Генезис мышления в свете неклассических эпистемологий // Человек. 2019. Т. 30. № 1. С. 12–28. DOI: 10.31857/S023620070003019-7

Происхождение мышления — одна из величайших «тайн мироздания» (происхождение вселенной, планетогенез, возникновение жизни, психической реальности, человека, цивилизации и др.), сокровенных загадок истории, сокрытых толщey столетий, безмолвно покоящихся в пластах культуры. В решении проблемы генезиса мышления каждая эпоха вырабатывала свои подходы. Предельно общий, мировоззренческий уровень данной проблемы открывал возможности не только научно-рационального ее анализа, но и умозрительно-спекулятивных трактовок, а также иррационалистических интерпретаций — мифологических, креационистских и пр. В XIX–XX веках проблема генезиса мышления проявлялась объединенными усилиями конкретных наук и философского познания, его гносеологических и онтологических (в частности, концепция универсального эволюционизма) представлений, методологических установок и т.д. В классических направлениях гносеологии и психологии XIX–XX веков было установлено, что мышление — это не непосредственное отражение объекта (подобную задачу решает чувственный образ), а опосредованное обобщенное отражение действительности¹, нацеленное на выделение глубинных закономерных, сущностных связей и отно-

¹ О существующих теориях мышления см. [13].

шений реальности, формирование системы объективных знаний о мире. (Другое дело, что такая нацеленность — это идеал, который никогда не реализуется полностью, ведь субъект до конца не устраним как из процесса, так и из результата познания.) Проблема генезиса мышления формулировалась как задача научно-теоретической реконструкции качественного перехода от образа к мысли, от непосредственного наглядно-чувственного отражения к опосредованному абстрактно-понятийному отражению, включающему и высшие, теоретические формы знания. При этом господствовало представление о том, что такой переход определяется и направляется исключительно социально-культурной детерминацией (трудо-вой деятельностью, общением и др.).

При всем своем разнообразии конкретно-научные реконструкции качественного перехода от образа к мысли сводились к двум противоположным подходам. В первом специфика мышления как абстрактно-понятийного процесса размывалась и редуцировалась к чувственно-образным формам и их взаимодействиям (например, бихевиоризм, гештальт-психология и пр.). Второй подход строился на противопоставлении абстрактно-понятийного мышления и чувственной образности, на интерпретации мышления как безобразного, а мысли как вневещной (например, вюрцбургская школа). Данная противоречивость порождена в том числе и особенностями самого перехода от образа к мысли. Ведь он осуществляется не посредством формирования новой формы отражения, продолжающей чувственно-образный ряд *ощущение — восприятие — представление* (такой путь характерен для биологической эволюции). Переход от образа к мысли — это выход за границы чувственного опыта принципиально иным путем. Он состоит в активном преобразовании субъектом собственной чувственной образности и выработке средств разделения в ее содержании объективных и субъективных моментов. Для такого преобразования необходимы средства операционального воздействия на образ, которые могут быть извлечены лишь из него самого, его содержания, «образной ткани». Как такое возможно? Ответ на этот вопрос прояснился лишь в конце XX — начале XXI века, когда существенно расширился теоретико-методологический контекст решения (междисциплинарной по своей сути) проблемы генезиса мышления.

Рубеж XX–XXI веков характеризуется формированием шестого технологического уклада и порожденным данным процессом развитием информационных технологий, когнитивной психологии, лингвистики, комплекса когнитивных наук, нацеленных на создание искусственного интеллекта, разработку технологий робототехники, а также значительными преобразованиями в эпистемологии, где сложились новые направления, так называемые неклассические эпистемологии [5], и вновь возрождаются позиции теоретико-познавательного реализма [10]. В неклассических эпистемологиях отражаются такие аспекты познавательного про-

цесса, которые выпадали из поля зрения классической гносеологии, то есть не были актуализированы в ее категориальном аппарате. Так, противопоставление субъекта и объекта заменяется в них принципом единства и взаимной детерминированности; формирование познавательных способностей человека рассматривается в контексте биологической эволюции (человек как эволюционно сформированное мезокосмическое существо); делается акцент на познавательной роли его телесной организации, операционально-деятельной основе познания и т.д.

Важную роль в расширении теоретико-методологической базы решения проблемы генезиса мышления играет и обогащение методологических установок конкретно-научного познания. Классические схемы «диалектического метода» безусловно исчерпали свой методологический потенциал, устарели, что особенно ярко проявляется в неспособности воспроизводить внутреннюю логику системогенеза [9, с. 14]. В философской теории развития существует запрос на качественно новую методологическую базу. В подобной роли выступает (пока не вполне завершённый) синтез методологий системно-структурного анализа и синергетики². Такой методологический синтез в моделях социально-гуманитарных процессов позволяет воспроизводить не только устойчивое и стабильное в человеческом бытии, но также неопределённое и нестабильное в нем. Так, например, в разрабатывавшейся Б.Г. Юдиным концепции антропогенных фазовых переходов предполагается нестабильность границы между природным и культурным, естественным и искусственным в человеке. Становление человеческого бытия вплоть до трансгуманизма — это преодоление в ходе социально-исторического процесса граней между *естественным* и *искусственным*. Искусственное (окультуренное, близкое, дающее прибежище и защиту и пр.) и естественное (чуждое, неокulturенное, неорганизованное, источник опасностей и угроз и т.д.) обладают каждое самостоятельным бытием, собственным порядком и собственной структурированностью, раскрытие которых требует своей рациональности, своего способа мышления [15, с. 12].

С позиций методологического синтеза системно-структурного анализа и синергетики в логике системогенеза отчетливо выделяются три этапа. Первый — формирование предпосылок новой системы в недрах старой, где накапливаются множественные, обладающие значительной степенью свободы взаимодействия, которые определяются не ее сущностными связями, а случайными, второстепенными отношениями. Второй этап — образование основания новой системы, то есть такого самовоспроизводящегося взаимодействия, которое определяет и направляет развертывание системы. В категориях синергетики это означает, что образует-

² Это означает, что диалектический метод может рассматриваться как переходная форма от предметоцентризма (метафизического метода) к синтезу системно-структурной и синергетической методологий.

ся взаимодействие со средой по типу обратной положительной связи, то есть связи, в которой обеспечивается круговорот предпосылок жизнедеятельности системы и продуктов ее функционирования. Третий этап — утверждение нового основания. Сложившиеся в исходной системе предпосылки генезиса новой системы превращаются в ее необходимые, закономерные элементы³. Это время обостренной борьбы новой системы со старой, исходной. С утверждением оснований процесс системогенеза заканчивается, и дальнейшее развитие новой системы носит эволюционный характер, то есть осуществляется на собственной основе.

Применение таких методологических представлений к проблеме генезиса мышления позволяет расширить и конкретизировать ее смысловое поле — представить генезис мышления как эволюционно-исторический процесс, который определяется и направляется не только социально-культурной детерминацией (практикой, трудовой деятельностью, общением и др.) [7], но и природно-биологическими, эволюционными детерминантами; уточнить роль этих качественно различных детерминантов на разных этапах генезиса мышления. Такая картина проясняется благодаря ряду психологических и эпистемологических теоретических моделей, разработанных в XX – первой четверти XXI века. Назовем основные из них:

- культурно-историческая концепция Л.С. Выготского, в которой переход от образа к мысли трактовался как надстраивание над образно-перцептивной психикой (с помощью знаков, языка) высших психических функций и последующее преобразование ими чувственно-образных форм знания [2];

- утверждение в психологии и эпистемологии принципа деятельности. Принцип деятельности (действия) сложился и получил свое развитие в разных теоретико-методологических парадигмах. Среди них — как отечественные разработки (С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, П.Я. Гальперин, В.В. Давыдов [11; 6; 3 и др.]; информационная модель мышления Л.М. Веккера [1] и т.д.), так и зарубежные (операционная теория интеллекта Ж. Пиаже [16; 19], энактивизм Ф. Варела, У. Матурана [18] и др.);

- развитие комплекса идей эволюционной эпистемологии [14]. Подобный так называемый натуралистический поворот в эпистемологии опирается на представления о том, что познание — это функция любых активно взаимодействующих с окружающей средой эволюционирующих систем; воспринимаемый объект и воспринимающий субъект — части единой системно ор-

³ Данная закономерность системогенеза является онтологической основой «вертикальных» интегративных тенденций в культуре, установления диахронических связей ее пластов. Старые пласты культуры не исчезают, не остаются навсегда в прошлом, а вовлекаются (в виде различных идей, понятий, смыслообразов и пр.) в культурный процесс современности. История культуры не законсервирована в прошлом, она живет в настоящем и в значительной мере определяет будущее культуры.

ганизованной реальности; единство объекта и субъекта достигается в том числе и за счет активного конструирования субъектом своего видения внешнего мира; и т.п.

Все эти теоретические и методологические инновационные подходы позволяют представить современное понимание генезиса мышления следующим образом. Переход от образа к мысли представляет собой особую форму расширения чувственного опыта, выхода за границы последнего; ее задача состоит не в порождении новой формы отражения (наряду с ощущением, восприятием, представлением), а в активном преобразовании субъектом собственной чувственной образности, разделении в ее содержании объективного и субъективного моментов средствами операционального воздействия на образ. Такие средства могут быть извлечены лишь из «образной ткани», из самой чувственной образности, ее содержания. Это возможно в силу символической функции языка, обозначения отдельного образа и отдельной операции над содержанием образа (а впоследствии и над самой операцией), отдельным словом (знаком). Подобные операции позволяют, во-первых, вычленять объективные отношения, которые изначально вплавлены в образы, и, во-вторых, выражать их в логико-грамматических формах. Другими словами, мысль формируется как результат преобразования чувственных образов операциями, извлекаемыми из самой же образности и фиксируемыми знаками языка, который выступает знаковым носителем и образных, и операциональных сторон мыслительного процесса. Так, процесс мышления приобретает характер двухуровневой системы, функционирование которой реализуется посредством взаимодействия операндов (составляющая, на которую направлена операциональная активность субъекта, — чувственные образы, первичные и вторичные, их фрагменты и сочетания, абстракции, идеализации и пр.) и операций над ними. Операндно-операциональное взаимодействие и есть процесс мышления.

Операндно-операциональная сущность мышления прежде всего проявляется в том, что структурной единицей мышления выступает суждение с его тремя компонентами — два объекта (уровень операндов) и отношение между ними (символически-операционный уровень). В свою очередь, суждение в качестве своего речевого эквивалента имеет предложение, в котором подлежащее, сказуемое и предикативное отношение выражают операндный и символически-операциональный состав мыслительного процесса. Проявлением двойственного, образно-операционального характера мыслительного процесса является и то обстоятельство, что «мышление содержит не только речевую, но и неречевую фазу действия, связанную с накоплением сенсорной информации» [12]. Иначе говоря, процесс мышления не сводится всецело к внутренней речи, оперированию знаками, он содержит и неречевые моменты, которые определяются взаимодействием

В.М. Найдыш

Генезис
мышления
в свете
неклассических
эпистемологий

чувственных образов между собой. Вполне закономерно, что такие неречевые периоды особо часты и длительны на более ранних этапах фило- и онтогенеза мышления, а на более высоких уровнях мыслительного процесса частота и длительность неречевых периодов, опосредующих речевые, сокращаются.

Операндно-операциональная система мышления исторически развивается за счет того, что сами операции могут становиться операндами, то есть предметом для преобразования другими операциями, и тогда мышление из двухуровневого становится многоуровневым процессом. История мышления — это развернутая картина превращения каждого поколения операций в операнды для операций более высокого (абстрактного) уровня. Операции высших уровней, будучи результатом обобщения и селекции операций низших уровней, постепенно приобретают категориальный характер и методологическую функцию по отношению к операциям низших уровней. Это придает им способность отделять в содержании чувственного образа случайные отношения от закономерных. Так создается почва для возникновения научного мышления [9, с. 111–113].

Подобное понимание сущности мышления определяет и теоретическую реконструкцию его генезиса. В ее основе — прояснение конкретно-исторических условий возникновения в деятельности сознания системы знакового образно-операционального взаимодействия. Достижения второй половины XX — начала XXI века в области зоопсихологии, этологии, социобиологии, когнитивных наук, неклассических эпистемологий позволяют представить картину генезиса мышления следующим образом.

В историческом процессе генезиса мышления могут быть выделены три основных этапа: формирование предпосылок операциональной составляющей мыслительного процесса в психике животных; становление социально-культурных оснований операциональной составляющей мышления; утверждение операндно-операциональной системы мышления с подчинением ей форм сенсорно-перцептивного отражения. Рассмотрим особенности каждого этапа.

Формирование предпосылок операциональной составляющей мыслительного процесса у животных. Познание — неотъемлемый момент эволюции. Эволюционное приспособление предполагает приобретение организмом информации об окружающей среде и способности оперировать такой информацией. Иными словами, эволюция предусматривает отражение, а отражение есть познание. Формы отражения могут быть разными. Морфогенез, строение тела, устройство органов чувств и нервной системы и пр. — все это формы, в которых воплощены результаты отражения организмом природной среды, ее закономерных сторон. Телесная (морфологическая, анатомическая, неврологическая и др.) организация вида сама по себе уже является результатом на-

копления и обобщения опыта эволюции в пределах жизненного мира данного вида (рациоформизм). В силу этого она способна обнаруживать в окружающей природной среде «логическое пространство» устойчивых, закономерных связей и отношений и отделять их от случайных, хаотических, второстепенных.

Важную роль в приспособлении организма к условиям среды играет (определяемая структурой нервной системы) его поведенческая активность, которая эволюционирует (от простой локомоции, то есть перемещения организма в пространстве, до игровой и орудийной деятельности) в направлении повышения своей надежности и точности. Поведенческая активность определяется тремя тесно взаимодействующими системами: системой распознавания элементов внешней среды, выполняющей познавательную функцию; инстанцией принятия решений, выбора той или иной программы поведения; непосредственной моторной реализацией программы поведения. Названные системы поведенческой активности связаны между собой памятью. Каков же характер их эволюции?

Инстанция принятия решений развивается из механизмов гомеостатической регуляции, реагирующих на степень отклонения основополагающих витальных потребностей организма от состояния равновесия. Уже на уровне низших позвоночных гомеостатическое регулирование соединяется с системой распознавания элементов внешней среды, а через нее — и с той частью нервной системы, которая направляет моторику организма. На этом пути формируется эмоционально-аффективная мотивация поведения. Единый мотив направляет и координирует деятельность организма, доводя каждую ее фазу до завершения. Впоследствии и восприятие ситуации, и принятие решений, и моторика организма приобретают эмоционально-аффективную «окраску», которая со временем все в большей мере корректирует и направляет деятельность основных систем поведенческой активности.

Предпосылки мышления зарождаются также и в системе распознавания элементов внешней среды, которая обеспечивает непосредственное свое отражение (в сенсорно-перцептивных формах) и накопление опыта взаимодействия организма с собой (через механизмы памяти, воображения, обучения и др.). На уровне наземных позвоночных появляется острая потребность учитывать в поведении организма свойства не только того предмета, на который направлена его активность, но и тех объективных условий, в которых этот предмет существует в среде. Такие условия часто определяют способы поведения организма (например, обход препятствий, выжидание и пр.). Реализация указанной потребности приводит к возникновению перцептивной психики (восприятия) — отражения внешней среды в виде целостных образов вещей, предметов, объектов, ситуаций. Восприятие — важнейшая форма отражения, его закономерности во многом опреде-

ляют характеристики и вторичной образности (представления), и процесса мышления. Это активный процесс, который включает пространственную локализацию предмета (фигуры), специфицирование общих его очертаний и в завершение фиксацию тонких деталей, индивидуальных характеристик, что требует подключения памяти и внимания. В целом перцептивный процесс ориентирован на четкое отграничение в объекте «фигуры» и «фона», инвариантного и вариантного, в конечном счете существенного закономерного и случайного второстепенного. Перцептивный образ всегда субъектоцентричен. А поскольку субъект участвует в восприятии как целое (включая его природно-биологические и социально-культурные потребности), то и восприятие мира оказывается важнейшей потребностью субъекта.

Эволюция перцептивной психики демонстрирует важнейшую закономерность истории познания — возрастание активности субъекта. В ходе эволюции восприятие все больше превращается в цепь активных итераций по обследованию объекта, приобретает циклический характер. На высших уровнях перцептивной психики субъект активно соотносит гипотезу с наличными сенсорными данными; в неизбежном «зазоре» между ними появляется возможность абстрагирования — выделения отдельных сторон, свойств образа. Так, восприятие обретает способность воспроизводить как индивидуально-неповторимые (в том числе ранее отсутствовавшие в перцептивном опыте субъекта) характеристики, так и обобщенно-родовые свойства объекта.

Способность абстрагирования, свойственная восприятию, благодаря совершенствованию механизмов памяти и воображения получает развитие на уровне вторичной образности (представление). Представление — абстракция восприятия. Содержанием вторичной образности оказываются значимые для субъекта (в контексте его потребностей и мотивов) элементы перцептивного образа. Представление переводит систему распознавания элементов внешней среды на новый уровень. Оно позволяет моделировать возможные ситуации, которые могут возникнуть при взаимодействии организма и среды, то есть заранее, до акта действия переводить перцептивный образ в воображаемый план⁴. Высшей формой подобного моделирования оказывается способность корректировать исходную воображаемую модель поведения уже в ходе самого действия. Так, перемещение субъекта в пространстве для достижения поставленной цели (например, захват жертвы) требует, чтобы при изменении зрительного поля учитывалась исходная оценка расстояния между точками начала

⁴ Например, приматы способны с высокой точностью воспринимать глубину пространства и взаимное расположение объектов, у них развиты бинокулярное зрение, способность к точной пространственной локализации объектов в зрительном поле, в том числе к локализации по глубине (умение различать то, что находится и перед объектом, и за ним).

и конца действия. Развитие конструктивной, моделирующей активности представления ведет к формированию способности разграничивать инвариантное и вариантное в содержании чувственного образа. Это еще не выделение закономерного и случайного, объективного и субъективного, но важный шаг на данном пути.

Важную роль в организации поведения играет система моторной реализации поведенческих программ. Активность организма предполагает непрерывное взаимодействие моторных и сенсорно-перцептивных компонентов. Акты поведенческого действия и акты познания опосредуют друг друга. Каждый новый предмет немедленно исследуется организмом всеми доступными ему элементарными поведенческими актами. При этом эволюция чувственно-образного отражения происходит в тесной связи с совершенствованием моторики организма. (Так, в частности, формируется координация движений глаза и передних конечностей: зрение начинает непосредственно управлять передними конечностями, контролировать их и т.д.) Основное направление эволюции моторики — поведение, из преимущественно инстинктивного все в большей мере делающееся произвольным. Единое действие дифференцируется на мелкие, независимые друг от друга моторные элементарные акты, из которых могут быть построены самые различные произвольные движения. Последние становятся дополнительным фактором совершенствования поисково-исследовательской активности организма. Таким образом, формируются условия для возникновения манипуляционной активности с некоторыми предметами среды, а также особой поисково-исследовательской мотивации, которая ориентирует поведение на изучение каждого неизвестного предмета так, как будто он имеет для данного организма жизнеутверждающее значение. (Чем более развит такой тип мотивации, тем более неспециализированным является биологический вид.)

Мера произвольности движения определяется степенью свободы элементарных моторных актов и временем, необходимым для их активации, подключения к действию. Возникает потребность в особой форме активности, которая поддерживает и совершенствует эти моменты произвольного движения, обеспечивает их постоянную готовность. Такой формой выступает игра, важнейшей составляющей которой является тренинг. Игровая активность — сфера, где проявляются возможности элементарных актов моторики, накапливается и усваивается опыт их приложения в разных ситуациях, условиях среды. Игра укрепляет единство моторной и познавательной активности, способствует росту пластичности сенсомоторики. Кроме того, в игре формируется способность придавать актам произвольных действий и прямой, и обратный характер, осваивать не только прямые, но и обратные операции. На высших уровнях эволюции обратные операции, реализуясь не только на уровне моторного действия, но и чувствен-

В.М. Найдыш

*Генезис
мышления
в свете
неклассических
эпистемологий*

ного отражения, создают условия для возникновения способности переноса операций с одного действия на другое, решения двух-фазных задач, творческих «инсайтов» и пр. [7, с. 245–251].

Параллельно с эволюцией форм поведенческой активности, чувственно-образного отражения развиваются и способы коммуникации в биологическом сообществе. В основе коммуникации лежат характерные для данного биологического вида реакции, которые активизируют пусковые механизмы, инстинктивные действия у других особей данного вида (или других видов). Развитые формы коммуникации возникают только на основе произвольных движений, когда появляется возможность свободно комбинировать элементы действия. Коммуникативную функцию могут приобретать различные черты морфологии животного, движения намерения, конфликтное поведение, стереотипные демонстрации, формы смещенной активности (такие акты поведения, которые характеризуются явным несоответствием обстановке) и др. Отдельные действия становятся знаками, приобретают сигнальное значение. Коммуникативная функция развивается в интегративную, когда отдельные сигнальные действия одновременно приобретают и значение ритуалов (устойчивых комплексов действий, укрепляющих взаимоотношения особей в сообществе).

Таким образом, на первом этапе системогенезиса мышления сформировались многие важные предпосылки мышления человека, которые впоследствии (в трансформированном виде) войдут в структуру его исторически первых форм. У высших животных формируются способность к простейшему образному обобщению (выделение в содержании различных образов относительно устойчивых, инвариантных свойств предметов и их отношений, то есть общего признака), абстрагированию (способность оперировать отдельными элементами чувственного образа), которое в свою очередь становится основой простейших форм сравнения, категоризации, символизации в психике животных [4]⁵. Так, у приматов ярко выражена способность преобразовывать чувственный образ, вычленять в нем отдельные свойства вещей, их связи и отношения. Вместе с тем, оперируя образами, обезьяна не способна изменять сами операции над образами. Для этого нужен язык. Именно он позволяет сделать объектом оперирования сам когнитивный процесс, его содержание и структуру⁶.

⁵ Например, некоторые виды высших животных (особенно приматы) проявляют способность к переносу общего свойства (реакции) на новый объект не только той же модальности (скажем, цвет), но и на более широкий диапазон модальностей (скажем, со зрительных на звуковые) или переносу категорий («больше по величине» на «больше по числу» и пр.).

⁶ И хотя в общении с человеком антропоиды способны усваивать жесты (шимпанзе до 200, гориллы до 1000) и использовать их по определенным синтаксическим правилам, тем не менее обезьян не удается обучить классификации отношений, освоению значений будущего и прошедшего времени, качественно расширить диапазон их мотиваций и пр.

Теперь сложно определить, какие из познавательных структур человека генетически обусловлены (восприятие пространства, света, способность к обобщению, абстрагированию и др.), а какие являются продуктом социально-культурного воздействия (понятие причинности, логический вывод, индуктивное умозаключение и др.). Но в любом случае несомненно, что когнитивные способности высших приматов явились предпосылками возникновения человеческого мышления.

Становление социально-культурных оснований операциональной составляющей мышления. На данном этапе формируется устойчивый операциональный уровень мыслительного процесса, который осуществляет непосредственное преобразование чувственного образа, выделяет в нем отдельные стороны, свойства, отношения. Его основой является предметно-практическая активность субъекта. В современной психологии убедительно доказано, что «порождается мышление сначала в ранге действия... в недрах практического действия» [6, с. 342]. Иными словами, мыслительные операции возникают как дериваты предметного действия, а затем развиваются в способы идеального оперирования психическими структурами (спенсорно-перцептивными, вторичной образностью, абстракциями, символами и др.). Мыслительное оперирование образами и абстракциями столь же реально, как и предметное оперирование вещами.

Поэтому в период своего формирования мышление было предметно-действенным, непосредственно вплетенным в акты предметных действий. На этом этапе еще не существовало мышления как идеального процесса; оно выражалось логикой обобщенного предметного действия. В деятельности по производству орудий труда выявлялись закономерные отношения поставленных во взаимодействие природных предметов. Указанные отношения обобщались в форме соответствующих им предметных действий, которые постепенно трансформировались в язык жестов. Акты внешнего предметного действия выступали способом обобщения закономерных отношений предметов природы. Такие акты коллективно закреплялись, передавались в процессе обучения, воспроизводились в социальной памяти рода и т.д. Со временем период жестового языка (и сопровождавших его звуковых восклицаний) сменился (ок. 100 тыс. лет назад) периодом выработки способов называния предметов посредством (небольшого количества) последовательных фонем (однословные обозначения предметов словами).

В особенностях предметно-действенного мышления коренятся и основы ритуально-магической деятельности. Магия рождается там, где закономерные черты объекта и соответствующее им предметное действие в сознании еще не различаются и легко подменяют друг друга, где субъект отождествляет действие над внешним объектом с действием над его образом в сво-

ем сознании. Периодические налеты волн магии, спиритуализма и оккультизма — все это всплески предметно-действенного мышления. Ведь глубинные пласты культуры в определенных социально-культурных условиях могут (в той или иной мере) освободиться от подчиненности высшим уровням и вновь заявлять о себе — разумеется, в трансформированных формах.

Утверждение операндно-операциональной системы мышления с подчинением ей форм сенсорно-перцептивного отражения. На этом этапе операндно-операциональное взаимодействие перестает быть непосредственно привязанным к предметному действию, сопровождавшему его жесту, внешней речи и уходит во внутренний план, реализуясь внутренней речью (интериоризация мышления). Теперь мыслительные операции могут выполняться человеком независимо от предметных действий (то есть идеально). Связь мышления с его предметно-действенными основаниями становится опосредованной и незримой. Пройдут тысячелетия, прежде чем человек сумеет прояснить существование такой связи в прошлом и объяснить ее.

Процесс интериоризации, происходивший, по-видимому, ок. 75–50 тыс. лет назад, характеризуется антропологами как эволюционный «взрыв» креативных способностей древнего человека. Данный процесс связан со сдвигами в структуре мозга [17], которые способствовали росту его операциональной активности, упрощали связывание логических операций в системные цепи, придавали языковой деятельности самостоятельность и особую продуктивность. Появилась возможность генерирования, по сути, неограниченного множества предложений, творения новых образов в момент воспроизводства языка, в процессе речи, использования различных сочетаний слов для передачи одного смысла и пр. Обогащение операциональной составляющей мыслительного процесса способствовало формированию грамматического строя языка, его элементов (артикли, предложения, союзы и пр.), укреплению единства языковых значений и их формальных выражений, усилило роль контекстуальности языка (возможность разнообразной трактовки сказанного в зависимости от контекста) и т.д. При переходе к верхнему палеолиту процесс интериоризации мышления завершился, а вместе с ним завершился и генезис мышления.

Первый исторический тип мышления, в котором обобщение, выделение отношений вещей происходит уже не в форме предметного действия, а через процедуры знаково-символического оперирования над идеальными чувственными образами, представлен мифомышлением. Мифомышление — это допонятийное оперирование наглядно-чувственными образами [8]. Операндами здесь выступают образы, а мысль (отражение отношений вещей) формируется в результате прямых операций над образами. Предмет характеризуется по одному (или нескольким) не-

существенным его свойствам, которые попадают в поле зрения субъекта по обстоятельствам для самого предмета случайным. (Поэтому современным человеком первобытные мифы нередко воспринимаются как повествование, состоящее из бессмысленных или даже абсурдных сюжетов.) В мифологическом чувственном образе часть и целое, случайное и закономерное, единичное и множественное не различаются; объект выступает как синкретическое целое⁷. Важной особенностью мифомышления является неспособность субъекта соотносить себя с объектом отражения. Отношение объекта к субъекту здесь еще не стало предметом мыслительного оперирования; оно погружено в чувственно-эмоциональную сферу, «растворено» в переживаниях субъекта. Отсюда и крайняя эмоциональность первобытной мифологии. Бесконечные человеческие переживания в ней обнажались и полностью подавляли образную определенность природных форм.

Операциональная составляющая мифомышления исторически развивалась по пути селекции все более генерализированных операций, вплоть до операций, отражающих универсальные отношения в системе *мир — человек*, которые приобретали категориальный и методологический статус. Это способствовало децентрации идеальной модели объекта, постепенному избавлению от субъективных ограничений, накладываемых на процесс познания. Результатом упомянутых преобразований явилось возникновение (в эпоху завершения неолитической революции и становления цивилизации как формы организации социальной жизни) знакомого и близкого нам абстрактно-понятийного мышления.

Литература

1. Веккер Л.М. Психика и реальность: Единая теория психических процессов. М.: Смысл; Per Se, 2000.
2. Выготский Л.С. История развития высших психических функций // *Выготский Л.С. Собр. соч.*: в 6 т. Т. 3. М.: Педагогика, 1983.
3. Гальперин П.Я. Психология мышления и учение о поэтапном формировании умственных действий // *Гальперин П.Я. Психология как объективная наука*. М.: Изд-во Ин-та практической психологии; Воронеж: НПО «Модек», 1998. С. 272–317.
4. Зорина З.А., Полетаева И.И. Зоопсихология: Элементарное мышление животных. М.: Аспект Пресс, 2002.
5. Кезин А., Фоллмер Г. Современная эпистемология: натуралистический поворот. Севастополь: НПЦ «ЭКОСИ-Гидрофизика», 2004.
6. Леонтьев А.Н. Лекции по общей психологии. М.: Смысл, 2000.
7. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М.: Изд-во МГУ, 1972.

⁷ В языке подобный синкретизм выражался господством соединительных конструкций: любые связи предметов, объектов определялись через расположение предметов — один возле другого.

8. *Найдыш В.М.* Мифотворчество в деятельности сознания // *Вопр. философии*. 2017. № 5. С. 26–34.
9. *Найдыш В.М.* Наука древнейших цивилизаций: Философский анализ. М.: Альфа-М, 2012.
10. «Реалистический поворот» в современной эпистемологии, философии сознания и философии науки? Материалы «круглого стола» // *Вопр. философии*. 2017. № 1. С. 5–38.
11. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2002.
12. *Соколов А.Н.* Внутренняя речь и мышление. М.: Наука, 1968. С. 230.
13. *Тихомиров О.К.* Психология мышления. М.: Изд-во МГУ, 1984. С. 232–254.
14. Эволюционная эпистемология: Антология. М.: Центр гуманитарных инициатив. 2012.
15. *Юдин Б.Г.* Трансгуманизм — наше будущее? // *Человек*. 2011. № 3. С. 5–17.
16. *Inhelder B., Piaget J.* La genèse des structures logiques élémentaires: Classifications et sériations. Neuchâtel; Paris: Delachaux & Niestlé, 1959.
17. *Klein R.G.* The Human Carrier: Human Biological and Cultural Origins. Third ed. Chicago: Univ. of Chicago Press, 2009.
18. *Maturana H.R., Varela F.J.* El Arbol del Conocimiento: Las Bases Biologicas del Conocer Humano. Santiago: Editorial Univ., 1984.
19. *Piaget J.* Psychologie de l'intelligence. P.: Pres. Univ. de France, 1946.

Genesis of thinking in the context of non-classical epistemology

Viacheslav M. Naidysh

DSc in Philosophy, Professor of the Department of Ontology and Epistemology. Peoples Friendship University of Russian Federation. 6 Miklukho-Maklay Str., Moscow 117198, Russian Federation; e-mail: v.naidysh@bk.ru

Abstract. In the classical directions of epistemology and psychology of the XIX—XX centuries the problem of the Genesis of thinking was formulated as a problem of explaining the qualitative transition from visual-sensual to mediated abstract-conceptual reflection. At the same time, in the modeling of such a transition, firstly, thinking was either reduced only to sensual-figurative forms (for example, behaviorism, Gestalt psychology, etc.), or interpreted as non-sensual (for example, the Wurzburg school), and secondly, the idea that such a transition is directed exclusively by socio-cultural determination (practice, work, communication, etc.) prevailed. At the turn of the XX — XXI centuries the theoretical context of this problem has significantly expanded due to psychological and epistemological concepts, in which the formation of knowledge is considered in the context of biological evolution, the principle of activity, information and operational models of intelligence, etc. On this way theoretical models in which transition from an image to thought consists in transformation by the subject of sensual imagery by means of operational influence on an image which are extracted from the imagery and fixed by signs of language are developed. With this approach, the Genesis of thinking appears as the formation of a system of interaction of operands (what is directed to the operational activity of the subject — sensual images, primary

and secondary, their fragments, their combinations, abstractions, idealization, etc.) and operations on them. The formation of such a system is guided not only by socio-cultural, but also by natural and biological determinants. In the Genesis of thinking there are three stages: the formation of the prerequisites of operational activity in the psyche of the higher primates; the origin of mental operations as derivatives of subject action; interiorization of thinking.

Keywords: image, perception, representation, activity, thinking, operation, operand, mythological thinking, language, consciousness

For citation: Naidysh V. M. Genesis of thinking in the context of non-classical epistemology. *Chelovek*, 2019, Vol. 30, N 1, pp. 12–28. DOI: 10.31857/S023620070003019-7

В.М. Найдysh

Генезис
мышления
в свете
неклассических
эпистемологий

References

1. Vekker L.M. *Psihika i real'nost': Edinaya teoriya psikhicheskikh protsessov* [Mind and reality: A unified theory of mental processes]. Moscow: Smysl Publ.; Per Se, 2000.

2. Vygotskiy L.S. *Istoriya razvitiya vysshikh psikhicheskikh funktsii* [Problems of the Theory and History of Psychology]. Vygotskiy L.S. *Sobranie sochinenii: v 6 t.* [The Collected Works: in 6 vol.]. Vol. 3. M.: Pedagogika Publ., 1983.

3. Galperin P.Ya. *Psihologiya myshleniya i uchenie o poetapnom formirovani umstvennykh deistvii* [Psychology of thinking and the doctrine of the gradual formation of mental actions]. Galperin P.Ya. *Psihologiya kak ob'ektivnaya nauka* [Psychology as an objective science]. Moscow: Institute of practical psychology Publ.; Voronezh: NPO «Modek» Publ., 1998. P. 272–317.

4. Zorina Z.A., Poletaeva I.I. *Zoopsikhologiya: Elementarnoye myshlenie zhivotnykh* [Zoopsychology: Elementary thinking of animals]. Moscow: Aspect Press Publ., 2002. P. 260–263.

5. Kezin A., Follmer G. *Sovremennaya epistemologiya: naturalisticheskii povorot* [Modern epistemology: naturalistic turn]. Sevastopol: SPC «ECOSY-Hydrophysics» Publ., 2004.

6. Leontyev A.N. *Leksii po obshchey psikhologii* [Lectures on General psychology]. Moscow: Smysl Publ., 2000.

7. Leontyev A.N. *Problemy razvitiya psikhiki* [Problems of development of psyche]. Moscow: Moscow St. Univ. Publ., 1972.

8. Naidysh V.M. *Mifotvorchestvo v deyatelnosti soznaniya* [Mythmaking in the Activities of Consciousness]. *Voprosy filosofii*. 2017. N 5. P. 26–34.

9. Naidysh V.M. *Nauka drevneishikh civilizatsii: Filosofskii analiz* [Science of ancient civilizations: Philosophical analysis]. Moscow: Alpha-M Publ., 2012.

10. «Realisticheskii povorot» v sovremennoi epistemologii, filosofii soznaniya i filosofii nauki? Materialy «kruglogo stola» [«Realistic turn» in Contemporary Epistemology, Philosophy of Mind and Philosophy of Science? Materials of «Round Table»]. *Voprosy filosofii*. 2017. N 1. P. 5–38.

11. Rubinshtein S.L. *Osnovy obshchei psikhologii* [Basics of General psychology]. St. Petersburg: Peter Publ., 2002.

12. Sokolov A.N. *Vnutrennyaya rech' i myshlenie* [Inner speech and thinking]. Moscow: Nauka Publ., 1968. P. 230.
13. Tihomirov O.K. *Psikhologiya myshleniya* [Psychology of thinking]. Moscow: Moscow St. Univ. Publ., 1984. P. 232–254.
14. *Evolyutsionnaya epistemologiya: Antologiya* [Evolutionary epistemology: Anthology]. Moscow: Center for Humanitarian Initiatives Publ., 2012.
15. Yudin B.G. Transgumanizm — nashe budushchee? [Transhumanism is our future?]. *Chelovek*. 2011. N 3. P. 5–17.
16. Inhelder B., Piaget J. *La genèse des structures logiques élémentaires: Classifications et sériations*. Neuchâtel; Paris: Delachaux & Niestlé, 1959.
17. Klein R.G. *The Human Carrier: Human Biological and Cultural Origins*. Third ed. Chicago: Univ. of Chicago Press, 2009.
18. Maturana H.R., Varela F.J. *El Arbol del Conocimiento: Las Bases Biologicas del Conocer Humano*. Santiago: Editorial Univ., 1984.
19. Piaget J. *Psychologie de l'intelligence*. P.: Pres. Univ. de France, 1946.